

Проблемы

«МЫ МОЖЕМ ОБСУЖДАТЬ САМЫЕ ЩЕКОТЛИВЫЕ ТЕМЫ»

Рассказ Л. Ивановой, педагога московской школы, классного руководителя, много лет работающего по программе сексуального воспитания школьников «Надежда»

ЗАПИСАЛА **Т. НЕСТЕРОВА**

В №8 мы уже публиковали материал на тему полового воспитания (см. статью по книге психолога Т.Шишовой). В этом выпуске мы решили дать ещё одну столь же крайнюю точку зрения. Однако готовых рецептов в деле воспитания не бывает. И классному руководителю каждый раз приходится выискивать свою, индивидуальную линию поведения. Понимая, какую реакцию может вызвать эта публикация, мы всё же решились. Но вовсе не потому, что мы такие (как сейчас говорится, «продвинутые»), а потому что жизнь нынче такая и от многих её реальностей просто некуда деваться. И всё же — «слабонервных просим не читать».

Началось с того, что я пришла работать в обычную школу учителем ОБЖ. По профессии я инженер-химик, но так сложились обстоятельства. Потом стала преподавать химию. А через несколько лет мне дали классное руководство.

Я была потрясена

И вот однажды смотрю — что-то явно не так с одной девочкой. Я вижу, что ребёнку плохо: бледная, глаза бегают, не знает, что делать, и из школы уйти не может. Я её ловлю, спрашиваю: что у тебя? Оказалось, она сделала аборт.

Я её забираю и везу в наш районный Центр планирования семьи, обещая не говорить родителям, если не будет угрозы жизни. У девочки не было осложнений, но я убедилась, что у современных детей ранняя половая жизнь в порядке вещей. И с тех пор задалась целью помочь ученикам избегать таких опасностей, научиться заранее предвидеть последствия и делать выбор.

С тем Центром планирования семьи наша школа заключила договор о цикле лекций. Но чтобы повести детей на лекции, мне необходимо было заручиться согласием их родителей. Иду на родительское собрание и рассказываю, какие лекции Центр планирования может провести для старших классов по возрастному изменению физиологии, по предупреждению ранней беременности и пр. И, представьте себе, мама той ученицы, которая только что сделала аборт, говорит: «Моей девочке ни в коем случае нельзя слушать подобные вещи. Она ещё слишком маленькая!»

[107 – 122]
Сценарии
и алгоритмы

138

Я была потрясена этим. Наши мамы находятся на Луне, а наши дети живут на Земле. Родители очень много работают, они не разговаривают с детьми. И ребёнок, попав в трудную ситуацию, не делится с родителями. Он может рассказать друзьям или, что крайне редко, классному руководителю. Но не всякий учитель способен заслужить такое доверие. И по большому счёту ребёнку не к кому пойти, когда ему плохо. И вот это меня так ранило, что я решила: никуда я из школы не пойду. Здесь мое место!

Принцип «круглого стола»

Многие написали заявление, и мы стали с детьми ходить на эти лекции. И та девочка тоже пришла и попросилась ходить с нами. Лекции проводит сначала подростковый врач, потом психолог. Дети бросают записки в ящик абсолютно анонимно, и на третий день специалисты на них отвечают. Плюс ко всему проводятся отдельные занятия для мальчиков и для девочек, есть очень хорошие тематические фильмы, брошюры. Но пока родители не дадут согласия, они не имеют права предлагать эти лекции.

Я, как равнодушный классный руководитель, постепенно выяснила все скрытые проблемы детей. Оказалось, что у многих детей есть друзья и знакомые, которые употребляют психоактивные вещества и наркотики. Хватает и других проблем вроде того, что было с той девочкой. И я начала искать формы, с помощью которых могла бы аргументированно и грамотно бороться с этим злом. Но поскольку я бюрократ в хорошем смысле этого слова, я начала искать программу, которая была бы утверждена Российским федеральным экспертным советом. Это нужно даже больше для родителей, чтобы они были уверены в том, что я говорю их детям не какую-то ерунду, а те вещи, которые разработаны специалистами, психологами и врачами. И вышла на программу «Надежда» по профилактике ВИЧ и наркомании. Главное, чем хороша эта программа, — это то, что она построена по спирали: например, в 5 классе про наркотики идёт одна информация, в 6-м — она уже на другом уровне, в старших классах — опять же свой разговор, то есть программа построена в соответствии с возрастными особенностями и учётом нашего менталитета. Я прошла обучение, получила сертификат и стала проводить у себя в школе специальные уроки, посвящённые самым сложным и опасным темам.

Изначально на наших занятиях были заданы правила: никто не имеет права осуждать другого, каждый выражает своё собственное мнение и т.д. Чтобы облегчить общение, использовала принцип «круглого стола» — дети сидят в кругу, применяется и мозговой штурм, и групповая работа.

Начинается урок с обозначения темы. Потом тема раскручивается, обсуждается, дети «впутывают» примеры из своей жизни. И я вижу, чем живёт каждый ребёнок.

Такие уроки, во-первых, учат общению, во-вторых, толерантности. Дети знают, что есть правила, которые соблюдаются неукоснительно. Никто — ни учитель, ни ребёнок — не имеет права осуждать и осуждать другого, называть фамилии и т.д. Прививаются настоящие навыки общения. Причём на самом элементарном уровне. Так что потом нам гораздо легче было разрешать ситуации школьной жизни — на обычных уроках, на переменах.

Идеальное свидание

Во время наших «круглых столов» дети учатся выражать свои чувства и мысли. Я обычно придумываю темы, максимально приближенные к реальным ситуациям. Темы выбираю сложные и деликатные. Поэтому я никогда не предлагаю ученикам откровенно делиться перед всем классом своими переживаниями. Они описывают не свою личную проблему. На занятии обсуждается какая-то возможная ситуация и даются вопросы, на которые они ищут ответы. Отвечая, они вплетают свои эмоции, своё видение, начинают спорить.

Вот, например, я предложила десятиклассникам тему «Свидание». Даю задание: опишите идеальное свидание. Они говорят: идеальное свидание — это свечи, шампанское, родители на даче и так далее в том же духе... Я всё это пишу на доске.

Написала, отчертила, спрашиваю дальше: какие последствия могут быть у этого свидания? Они с юмором и со смехом отвечают: постель, секс и т.д. Хорошо, давайте рассматривать дальше эту ситуацию: шампанское — это алкоголь, а секс — это беременность. Это проблема? Проблема! Беременность желательная? Нежелательная. Теперь поднимите руки, кто сейчас хочет иметь ребёнка, зачатого после употребления алкоголя? Желающих нет. На кого мы возлагаем ответственность за такое романтическое свидание? «Ну, — говорят они, — виноваты оба, надо было думать».

Я спрашиваю: а кто из мальчиков хочет иметь жену, которая бы родила после такого свидания? Никто. Девчонки начинают возмущаться: так, интересно, значит, вечером вы хотите романтики и постели, а жену такую вы не хотите? Мальчики отвечают: я хочу, чтобы мой ребёнок был здоров, а эта вся романтика не предполагает ответственности, и вообще жениться я не собирался. Девчонки опять: как это, интересно?

И вот начинается диалог, в котором и девочки, и мальчики высказывают свои мнения. Мы вспоминаем опасности, которые могут быть. Например, девушка идет на свидание, думая о романтике, а там может оказаться совсем другая ситуация и т.д. В результате приходим к выводу, что свидание, которое они так хорошо описали, никого не устраивает.

А теперь, говорю я, предложите свои варианты свидания, чтобы была романтика, но не было вещей, которые приведут вас к проблеме. И они начинают говорить, что можно сходить в театр, в кафе. Если денег нет, можно погулять. На каток, на спортивное мероприятие. Можно просто чай попить в романтической обстановке. И вот сидят 25 человек и наперебой предлагают 25 прекрасных и совершенно разных вариантов!

[107 – 122]
Сценарии
и алгоритмы

140

От этикета к взаимоотношению полов

Подросткам очень важно услышать мнение противоположного пола. Одна из моих любимых тем — «союз разных». Девочкам я задаю вопрос: что мальчики должны знать о девочках? А мальчикам: что девочки должны знать про мальчиков?

Дети делятся на группы, пишут ответы на бумаге, потом озвучивают, потом начинают друг другу предъявлять претензии. И мы обсуждаем вроде бы простые, но необходимые вещи. Например, если мальчик сто раз на день звонит девочке с вопросом: «А что ты сейчас делаешь?», — это он влюблен, это нормально. Девочка млеет и хвастается подругам: «Ой, он все время мне звонит!» А если девочка сто раз на день звонит мальчику, он считает, что это посягательство на его свободу. И это

девочки должны понимать. Вот эту разницу в психологии, в мышлении, в восприятии друг друга надо знать с детства. И вот когда они претензии друг другу выскажут, разберутся, в конце урока я подвожу их к главному выводу: да, союз, но союз разных! У меня не было случая, чтобы дети, выходя с урока, не сказали спасибо.

Но для того, чтобы одиннадцатиклассники открыто обсуждали взаимоотношения полов, нужна постепенная работа. Мы с ними еще в 6 классе начали обсуждать, как вести разговор друг с другом, как представиться. Проигрываем звонки в поликлинику, в парикмахерскую, как подойти к девочке, как познакомиться, как пригласить на танец, как проститься, как завершить разговор, что сказать, когда расстанешься с другом, и что сказать, когда расстанешься с учителем, родителем и т.д. То есть шли от этикета и общей культуры общения. И я вижу, как растут дети, как они меняются, как учатся говорить о своих чувствах.

Пирсинги и татушки

Родители были рады, как прошло обсуждение пирсингов и татушек. Это когда мы с детьми про внешний вид разговаривали.

Я принесла на занятие атлас со всеми акупунктурами, и мы смотрели, за что отвечает каждая точка. Очевидно, что если прокальваешь какую-то точку, то нарушается работа определённого органа. Они долго рассматривают все эти точки, после чего я спрашиваю: по-прежнему есть желание себе ушко проколоть или пупок? У меня была девочка, которая жаловалась на головные боли, а потом оказалось, что у неё ухо проколото неправильно, со смещением. Когда сняли серёжку и ухо заросло, у девочки перестала болеть голова.

И с татушками так же. Я им разрешаю прийти на урок, нарисовав на себе татуировки, которые они хотят. А дальше мы начинаем говорить о том, как с возрастом меняется организм и изменяются взгляды. «Представьте себе, что вы уже взрослые, состоявшиеся люди. Готовы вы ходить с этой татуировкой всю свою жизнь?» Сразу сомнения. Вы можете гарантировать сегодня, что у вас будут средства в будущем, чтобы вывести эту татуировку? Тем более что след всё равно останется. И вот самое интересное наблюдать, когда дети, не выходя из школы, начинают смывать это всё. И поэтому у меня в классе нет детей ни с пирсингом, ни с татуировками.

Дети должны знать, что, если они всё-таки делают татуировку или пирсинг, нужно проверять стерильность инструментов и не считать зазорным попросить вынуть при вас прибор из стерилизатора. И если вдруг мастер возмутился, значит, это не профессионал. Они видят, с какой уверенностью я это говорю, и эта уверенность передаётся им. Вообще, тема заражений сейчас очень актуальна, ведь ВИЧ-инфицированные дети уже учатся в наших школах — та первая волна, которых при рождении заразили, и дети ВИЧ-инфицированных родителей. Ученикам нужно объяснить, что мы более опасны для этих детей, чем они для нас, потому что именно у них снижена иммунная система.

Быть с ними честной

За «круглым столом» мы можем обсуждать с учениками самые щекотливые темы. И я могу высказать мнение, что девственность надо сохранять и соблюдать верность. Но не секрет, что сексуальная революция сейчас очень далеко зашла.

Ведь подросток, который начинает жить половой жизнью, в течение первого года меняет 3–4 половых партнёров, потом он останавливается, выбирает, но первый год — самый опасный.

Ученики мои мне открыто говорят, например: «Я попробовал с презервативом и без, и мне больше нравится без. Но после ваших уроков я думаю о своём здоровье. Что мне делать?» Или девочки меня спрашивают: «А что делать, если мальчик настаивает на близости?» Ведь по статистике 85% мальчиков начинают половую жизнь из любопытства, а 90% девочек — из-за любви. Иногда и мальчики спрашивают, что делать, если девочки настаивают. Я им всегда говорю: «Главное — вы должны рассказать о своих чувствах. Только так вы сможете противостоять внешнему давлению».

Я взяла себе за правило быть с ними честной и не бояться никаких тем. Иногда они такое обсуждение закрутят, что я сижу и дрожу: что скажет директор или родители, если услышат? У меня как-то девочка на уроке говорит: «Пожалуйста, против риска заражения ВИЧ есть выход — оральный секс». Я молчала, а она минут двадцать всех убеждала в том, что оральный секс — это здорово. Через 20 минут полкласса стали говорить, что это выход.

После этого я им говорю: у меня лежит списочек, оставленный стоматологом после проведения санации полости рта. У 12 человек в вашем классе кровоточат десны, а вы мне говорите: здорово, оральный секс. Всё! Уже никто не хочет орального секса.

Родители в шоке

В 11 классе у меня есть такой тренинг — я приношу на урок презервативы и даю каждому в руки. Ребята делятся на пары мальчик — девочка, и каждый должен сказать другому: давай будем использовать презерватив. То есть они должны проговорить это. Дети в большинстве берут совершенно спокойно, открывают, но как им тяжело это сказать! У меня был мальчик, который взял двумя пальчиками и сказал: можно, я не буду ничего говорить? И если человек не готов, я ни в коем случае не должна оказывать на него давление! Но они должны усвоить, что на сегодняшний день, если ты считаешь себя взрослым, презерватив — это твоя защита.

А ведь приходится ещё и родителей убеждать! Чтобы показать родителям принципы наших «круглых столов», я на родительском собрании в старших классах провела такую игру. Раздала родителям бумажки: на какой-то крестик стоит, на какой-то написано «ни к кому не подходи», у кого-то — «П». И попросила каждого родителя взять друг у друга по три автографа. Родители сразу включились в игру: а чего три-то, давай четыре, пять, я подпишу!

Теперь разбираемся. «У кого крестик стоит?» — «У меня». — «Согласно правилам нашей игры вы — ВИЧ-инфицированы, но вы не знали об этом. Кому вы дали свои автографы, с кем вы были в контакте?» Встают пять человек. «Я вас поздравляю, вы тоже ВИЧ-инфицированы. Вы, пятеро, с кем в контакте были?» Те встают. «Вы тоже инфицированы. А вот у кого "П" — могут сесть, вы предохранялись». И люди на полном серьёзе в шоке.

Потом я спрашиваю:

- У кого написано: «Ни к кому не подходи»?
- У меня!
- А вы что сделали?
- Автографы взяла.

– Зачем? У вас же написано было! И что вы хотите от ребёнка? Вы ему говорите: ни с кем! А что делает ребёнок? То же, что и вы! Он думает: все остальные делают, почему же мне нельзя? И вот, господа родители, что мы имеем: наш ребёнок начинает жить половой жизнью, имея 3–4 половых партнёров. И он, так же, как вы сейчас, попадает в группу риска. Весь класс инфицирован, кроме тех, у кого «П». Так что, я продолжаю обсуждать с вашими детьми вопросы предохранения? Ответ очевиден.

Учу доверию и безопасности

Некоторые мои коллеги к таким занятиям относятся с ужасом. Но, допустим, я не буду обсуждать всего этого с детьми, они что же, от этого перестанут интересоваться сексом?! Их раннее развитие всё равно уже никуда не денется. Только без таких занятий они не научатся обсуждать запретные темы со взрослыми, добывать полезную информацию, делиться чувствами, находить выходы из трудных ситуаций, развивать ответственность.

И родители, и учителя-предметники всегда больше озабочены учебными показателями, чем состоянием души. А ведь помимо учёбы в жизни подростков чего только не бывает. Программа «Надежда» научила меня понимать детей лучше, чем их знают и понимают классные руководители. За время своей педагогической работы я даже смогла предотвратить два суицида! И очень серьёзно задуманных — там уже были написаны записки прощальные.

Сейчас в школах психологию не преподают, а психолог, если он есть, занимается с определённой группой. Конкретный ученик попадёт к нему на разговор, только когда классный руководитель его за руку приведёт. А чаще всего ребёнок остаётся один на один со своими переживаниями. И они бывают очень мучительными.

Поэтому я считаю, что классным руководителям необходимо и самим учиться, и детей учить говорить на все эти темы. Но говорить грамотно, открыто и без морализаторства.

Ко мне дети приходят поговорить, когда они спать не могут, когда влюблённость, когда им тяжело. Я говорю: «Всё равно ты не спишь и уже не заснёшь. Встань, напиши на листке бумаги всё, что у тебя в душе, сложи его и ложись спать. Утром, если ты захочешь это обсудить, ты можешь прийти ко мне, и мы с тобой поговорим. А если решишь, что не нужно, порви и скажи себе: я вчера этим переболела, сегодня у меня новый этап. И всё, живи и радуйся жизни!»

У меня у самой уже взрослые дети. И я всегда разговаривала с ними точно так же прямо и откровенно. Если я буду зажиматься, они мне не поверят. Информацией, диалогом, открытостью лечатся очень многие проблемы.

Когда я ещё вела уроки ОБЖ, я предлагала ученикам рисовать схемы, на которых указано, где у них в квартире отключается электроэнергия, где перекрывается вода и где размещены все розетки, и требовала иметь на этом чертеже подпись родителей. Родители тогда выступали: мол, учительница погибает.

Но потом пришла ко мне одна мама и сказала: спасибо, вы спасли моего ребёнка! Он обожает рыбок, а у нас взорвалась лампа и упала в аквариум, случилось замыкание. Мой ребёнок выскочил за дверь и отключил рубильник. Я пришла — всё в дыму, но все живы, здоровы. Я спрашиваю сына: «Как же ты догадался и не полез в воду рыбок вынимать?» А он отвечает: «Ты бы с Любовью Васильевной поучилась!»

